

Д. Флетчер

О государстве русском

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Флетчер**
О государстве русском / Д. Флетчер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 158 с.

ISBN 978-5-458-12845-2

Издание третье.

ISBN 978-5-458-12845-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ИСТОРИЯ ПЕРВАГО ПЕРЕВОДА СОЧИНЕНІЯ ФЛЕТЧЕРА.

Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ было запрещено къ обращенію сочиненіе Флетчера «О Государствѣ Русскомъ», цитируемое Н. М. Карамзинымъ въ его «Исторіи государства Россійскаго» и напечатанное въ 23 кн. 1848 г. «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей». Правдивую исторію этого запрещенія мы приводимъ здѣсь изъ подлинной записки секретаря общества О. М. Бодянскаго. Она составлена имъ 22 ноября 1862 года¹.

«Въ засѣданіи 30-го сентября 1848 года была представлена мною, какъ секретаремъ «Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ», и роздана присутствовавшимъ членамъ только что отпечатанная 1-ая книжка на 3-й годъ повременнаго изданія его «Чтеній», въ которой, въ отдѣлѣ «Иностранныхъ матеріаловъ», заключался переводъ сочиненія Флетчера «О Государствѣ Русскомъ въ XVI столѣтіи» (Англійскій подлинникъ, перепечатанный во всей точности, назначалось выпустить впоследствии). На другой день я лично доставилъ эту книжку случившемуся тогда въ Москвѣ г. министру народнаго просвѣщенія, графу С. С. Уварову, и не болѣе, какъ черезъ часъ получилъ отъ него запросъ: кто дозволилъ напечатаніе Флетчерова сочиненія? Я отвѣчалъ, что это сдѣлано по распоряженію предсѣдателя общества и вмѣстѣ съ тѣмъ московскаго цензурнаго комитета, попечителя московскаго учебнаго округа, графа С. Г. Строганова. И хотя сочиненіе было тотчасъ замѣнено въ книжкѣ

¹ Изъ рукописи нашего собранія автографовъ Бодянскаго.

другимъ, а розданные экземпляры его членамъ всѣ возвращены въ общество, въ продажу же не поступило рѣшительно ни одного, тѣмъ не менѣе графъ Уваровъ немедленно довелъ о томъ до свѣдѣнія покойнаго государя императора, Флетчеръ былъ запечатанъ, а секретарь общества, по званію профессора Московскаго университета, перемѣщенъ министромъ въ Казанскій университетъ. Это заставило меня подать въ отставку, въ которой и находился я цѣлый годъ, до выхода изъ министерства графа Уварова, преемникъ коего, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ тотъ же часъ предложилъ мнѣ возвратиться въ Московскій университетъ, а съ 1857-го «Общество исторіи и древностей русскіихъ» избрало вторично въ свои председатели графа С. Г. Строганова, меня же въ секретари, и поручило возобновить изданіе «Чтеній».

2
Все дѣло произошло изъ-за личной вражды министра народнаго просвѣщенія графа Уварова съ попечителемъ московскаго учебнаго округа графомъ Строгановымъ, и потому вопросъ о злобредностяхъ сочиненія Флетчера, извѣстнаго по Карамзину еще съ 1817 года, конечно, тутъ ни при чемъ.

За напечатаніе Флетчера въ «Чтеніяхъ» Бодянский не только лишился званія секретаря общества и редактора «Чтеній», но былъ по распоряженію министра народнаго просвѣщенія переведенъ въ Казанскій университетъ съ тѣмъ же званіемъ, а на мѣсто его назначенъ профессоръ Казанскаго университета, извѣстный славистъ В. И. Григоровичъ, который и занималъ кафедру въ Московскомъ университетѣ въ 1849—1850 гг.

Бодянский отъ должности профессора въ Казанскомъ университетѣ отказался и вышелъ въ отставку. Въ его бумагахъ, находящихся въ нашемъ собраніи, есть по этому поводу письмо графа Строганова, отъ 15 января 1849 года.

«Осипъ Максимовичъ!

«Кажется, что есть надежда ускорить дѣло такъ, что при увольненіи въ отставку Вы совершенно развяжетесь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вотъ все, что я могу Вамъ сказать теперь.

«Оставаясь въ Москвѣ, Вы не будете потерлны для науки, а потому — великъ Богъ добрыхъ людей.

«Надѣюсь черезъ нѣсколько дней успѣть Вамъ сообщить что-нибудь болѣе положительное. Крѣпитесь и будьте благонадежны.

Остаюсь съ истиннымъ уваженіемъ Вашимъ покорнымъ слугою
Гр. Сергій Строгановъ».

На это Осипъ Михайловичъ отвѣтилъ:

«Письмо Вашего Сіятельства, отъ 15 текущаго мѣсяца, полученное мною вчера вечеромъ, чрезвычайно утѣшило меня. Далъ бы только Богъ, чтобы усилія Вашего Сіятельства увѣнчались успѣхомъ и мнѣ разсчитаться съ моими вѣрителями. А тамъ, дѣйствительно, великъ Богъ добрыхъ людей, какъ Вы говорите. Главное—Москва и возможность дѣйствовать не со связанными руками. Никогда не измѣнялъ и не измѣню я своей наукѣ и нравственности благороднаго человѣка; все же прочее можетъ быть и не быть, къ большому или меньшему удобству моему. Не въ первый разъ встрѣчаться мнѣ лицомъ къ лицу съ нуждой; все вынесу, все стерплю, на все готовъ, кромѣ потери добраго имени и осужденія себя на застой въ наукѣ. Что же далѣе ждетъ меня въ будущемъ — кто можетъ то знать? Въ одно лишь вѣрилъ и вѣрю крѣпко, что Богъ не убогъ, и милость Его неоскудна.

«На-дняхъ узналъ отъ М. Н. Каткова, который слышалъ то отъ Г. Бекетова, бывшаго ассистента въ нашей университетской клиникѣ и пріѣхавшаго недавно изъ Петербурга, что Шевыревъ, по словамъ Давыдова (доставившаго Бекетову мѣсто профессора въ Казани), не только, вопреки моему желанію, писалъ обо мнѣ къ нему и министру, какъ это я сказывалъ Вашему Сіятельству передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, но даже осмѣлился утруждать о томъ и самую великую княгиню Ольгу Николаевну. Вотъ на какія продѣлки рѣшается измученная и нечистая совѣсть, думал, что и это, по ея сужденію, доброе дѣло также останется тайной, какъ и прежняя кабала. Не знаю, можно ли найти болѣе глубокое нравственное паденіе, будучи вынужденнымъ хлопотать о человѣкѣ, котораго наканунѣ еще самъ же губилъ, хлопотать помимо вѣдома его, и въ награду не получить не только отъ него спасибо, но даже сдѣлаться черезъ то предметомъ повсемѣстной жалости, чтобъ не сказать болѣе. Грустно подобное явленіе».

Вмѣстѣ съ Бодянскимъ изъ общества исторіи и древностей вышелъ и предсѣдатель гр. Строгановъ. Вся эта исторія довольно подробно изложена Н. П. Барсуковымъ въ его книгѣ «Жизнь и труды М. П. Погодина»¹. Однако надо прибавить, что Погодинъ и Шевыревъ были къ этому дѣлу не безпричастны.

Въ этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, и помимо гр. Строганова, Бодянской былъ поддержанъ своими друзьями и получилъ не мало сочувственныхъ писемъ. Одно изъ самыхъ искреннихъ сожалѣній выразилъ въ письмѣ къ нему П. А. Кулишъ, находившійся тогда и самъ въ ссылкѣ въ Тулѣ².

Кулишъ 17-го ноября между прочимъ писалъ:

«У насъ одни Вы наследовали ревность Шафарика къ дѣлу науки и правоту ученой дѣятельности: нужно жъ было обстоятельствамъ бросить вамъ камень преткновения на пути! Неужели дѣлами человеческими управляетъ игра слѣпого случая? Неужели неправда тому, что сказалъ поэтъ:

«Незримая рука, простертая надъ нами,
«Ведетъ насъ къ одному различными путями?»

«Если не неправда, то да перенесемъ безъ ропота и этотъ ударъ — какъ ни великъ онъ, какъ онъ ни тяжекъ — и сохранимъ любовь къ истинному и прекрасному на всѣхъ путяхъ жизни, при всей невзгодѣ обстоятельствъ. Лучшее утѣшеніе въ горѣ да будетъ то, что не стяжаніе богатствъ и не удовлетвореніе тщеславія было нашею цѣлью, когда мы для науки и искусства не досыпали ночи, не доѣдали куска хлѣба, добровольно терпѣли разнаго рода лишенія. Намъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій — это не наша бѣда, если для человѣка единственная награда и единственное наказаніе существуетъ въ его совѣсти и въ сознаніи правоты или неправоты его дѣйствій. Извѣстіе о постигшемъ Васъ несчастии сперва сильно меня поразило: мнѣ показалось, что вмѣстѣ съ Вами пала исторія, пала народная словесность, пали, погибли навсегда драгоценные остатки нашей старины. Но, къ счастью моему, какой-то тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще до высокой степени,

¹ Кн. XI, отр. 154—166.

² Наше собраніе (охр. кат. 1583).

и невозможно ничѣмъ убить его. Пускай торжествуютъ Погодины и имъ подобные; не подкопать имъ алтаря, при которомъ Вы служили, какъ подкопали они Васъ. Кто знаетъ? Можетъ быть, претерпѣваемые Вами теперь гоненія приобрѣтутъ для науки многихъ безкорыстныхъ труженниковъ, а Ваше имя покроютъ новою славою, которую Вы давно заслужили. Да при томъ же, у Васъ не отняты еще средства быть благотворнымъ органомъ просвѣщенія. При Вашей трезвой и дѣлательной жизни Вы можете приобрѣсть независимыя средства для изданія въ свѣтъ трудовъ своихъ и историческихъ матеріаловъ. Да поможетъ Вамъ въ этомъ Богъ, присущій въ сердцахъ благородныхъ людей, Вамъ сочувствующихъ! а ихъ, безъ сомнѣнія, много. Мужайтесь, и да крѣпится сердце Ваше! Вы умѣли быть великимъ труженникомъ при благопріятствовавшихъ Вамъ финансовыхъ обстоятельствахъ; будьте имъ и при недостаткѣ денежныхъ средствъ и въ самой даже бѣдности. Велико и свято дѣло науки, на которое Вы посланы въ жизнь: прощая людямъ закоснѣлость ихъ сердецъ и всѣ прічиняемыя Вамъ обиды, творите волю пославшаго Васъ и помните, что Вы соль земли; если и Вы обезсилѣете, то чѣмъ она тогда осолится?»...

Книжка «Чтеній», гдѣ помѣщалось сочиненіе Флетчера, была отобрана отъ членовъ общества, а отдѣльные оттиски опечатаны. Впрочемъ, они распечатывались нѣсколько разъ. Изъ бумагъ Бодляскаго видно, что по приказанію начальника типографіи въ 1853 г. было выпущено 12 экземпляровъ и въ 1854 году 5 экземпляровъ.

По поводу запрещенія перевода сочиненій Флетчера А. В. Никитенко записалъ въ своемъ «Дневникѣ»¹, подъ 1 декабря 1848 г., слѣдующее:

«Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строганова съ мѣста попечителя въ Московскомъ университетѣ. Строгановъ отомстилъ ему въ мартѣ (февралѣ), представивъ государю записку о либерализмѣ (коммунизмѣ и социализмѣ), господствующемъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ едва удержался на своемъ мѣстѣ. Въ сентябрѣ онъ ѣздилъ въ Москву. Тамъшнее «Общество исторіи и древностей», состоящее подъ предсѣдательствомъ Строганова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ Флетчера. Изданіе это предпринято на

¹ Записки и дневникъ А. В. Никитенко. Изд. 1905 г. Т. I, стр. 379.

основанія статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ извлеченія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ все, что пишутъ и писалось о ней до водворенія дома Романовыхъ. Графъ Строгановъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Θεодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что, впрочемъ, давно уже напечатано въ запискахъ Бера. Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгановымъ, теперь представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгановъ, допуская это. И какъ то всегда бываетъ на святой Руси, онъ подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніемъ въ собственной преданности и усердіи къ Богу и царю.

«Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строганову строжайшій выговоръ черезъ генераль-губернатора. Это неслыханный случай съ генераль-адъютантомъ. Говорятъ, что Закревскій не церемонился и послалъ къ графу Строганову квартальнаго надзирателя съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора.

«Но дѣло не въ этомъ: ^ѣуже мѣрю мѣрите, возмѣрится и вамъ. Строгановъ, по выраженію Гоголя, «нагадилъ» Уварову, Уваровъ—Строганову. Это въ порядкѣ вещей на святой Руси, гдѣ такія явленія между государственными людьми только доказываютъ обычную и глубокую безнравственность, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера, книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь Общества Бодянскій, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано Общество, оказавшее не мало услугъ наукѣ?»

Въ 1860 году Бодянскій пытался возобновить вопросъ о выпускѣ перевода сочиненія Флетчера и писалъ по этому поводу, 27-го января, графу Строганову въ Петербургъ слѣдующее письмо, черновикъ котораго сохранился въ его бумагахъ:

«Ваше Сіятельство

«Графъ Сергѣй Григорьевичъ!

«Наконецъ наступило, кажется, время и для нашего Флетчера. Въ 1-й книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» текущаго года нѣкто Юрій Толстой, повидимому, долго жившій въ Англіи, помѣстилъ длинную-предлинную статью о Флетчерѣ, въ которой цѣликомъ выписываетъ

изъ него и, сколько могу судить, по нашему переводу, сообщенному ему кѣмъ-то изъ сочленовъ нашихъ по Обществу исторіи и древностей російскихъ. Цензура наша пропускаетъ это; почему же, графъ, Обществу нашему не рѣшиться, въ лицѣ председателя своего, довести до свѣдѣнія Государя Императора это старое дѣло и испросить у него соизволенія на выпускъ уже отпечатаннаго Обществомъ, разумѣется, съ пересмотромъ нынѣшней цензурой (въ Москвѣ) и съ приличными оговорками со стороны моей, какъ секретаря онаго? Какое можетъ быть въ теперешнюю пору примѣненіе разсказа этого англичанина о Руси конца XVI-го столѣтія — къ Руси второй половины XIX-го? Еще въ 1848-мъ году могли люди неблагонамѣренные проводить нѣкоторую параллель между давноминувшимъ временемъ и нынѣшнимъ, между русскими Царя Грознаго и русскими Царя Благодушнаго. Если Ваше Сіятельство найдете теперешнее положеніе дѣлъ благопріятствующимъ для такого представленія, истинно окажете не послѣднюю услугу, какъ непосредственно Историческому Обществу, такъ и вообще отечественной исторіи, для которой повѣствованіе подданнаго Елисаветы Англійской о нашихъ предкахъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду иностранныхъ источниковъ русскаго бытописанія. Да и неужели суждено русскому переводу и англійскому подлиннику, перепечатанному мною, сгнить въ подвалахъ типографіи Московскаго университета? Довольно съ нихъ и 12-тилѣтняго заключенія подъ 12-тью печатями: вѣдь даже и десятилѣтняя давность уже прошла!

«Съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.

«О. Бодянский».

1860-го года, января 27-го дня. Москва.

На это письмо Строгановъ отвѣтилъ 3 марта:

«О напечатаніи Флетчера идутъ переговоры съ министромъ народнаго просвѣщенія, которому и сообщено, что предисловіе князя Оболенскаго будетъ замѣнено присланнымъ поясненіемъ. Надѣюсь, что теперь Петръ Ефграфовичъ не встрѣтитъ въ цензурномъ управленіи новыхъ затрудненій.

«Ожидаю съ нетерпѣніемъ новую книгу «Чтеній» и увѣренъ, что она будетъ опять драгоценнымъ подаркомъ для исторіи отечественной.

«Какое мнѣніе имѣете вы, Осипъ Максимовичъ, о новыхъ изданіяхъ Костомарова? Не чистая ли это фантазія и желаніе удивить молодое поколѣніе?»

«Примите увѣренія въ истинномъ уваженіи моемъ и преданности.

«Графъ Сергій Строгановъ».

Хлопоты Бодянского и Строганова, очевидно, не повели ни къ какимъ результатамъ, и сочиненіе Флетчера осталось, какъ выражается Бодянской, «гнить въ типографіи Московскаго университета».

А. А. Титовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Несмотря на то, что знаменитое, предлагаемое здѣсь, сочиненіе Флетчера уже отчасти извѣстно по приведеннымъ изъ него выпискамъ Н. М. Карамзинимъ, особенно въ IX и X томахъ его Исторіи, тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что въ своемъ полномъ видѣ оно представитъ много новыхъ указаній и послужитъ весьма важнымъ пособіемъ для изслѣдователей юридическаго быта древней Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ ошибочныя мысли и нѣкоторыя, слишкомъ строгія, сужденія автора, нельзя не отдать полную справедливость его свѣтлому, умному и дальновидному взгляду, который обличаетъ въ немъ не только просвѣщеннаго и почти безпристрастнаго наблюдателя, но и отличнаго политика. Скажемъ еще болѣе: мы думаемъ, что изъ всѣхъ иностранныхъ писателей о древней Россіи, по важности и занимательности, пальма первенства едва-ли не принадлежитъ Флетчеру, ибо даже самое сочиненіе знаменитаго Герберштейна, болѣею частью основанное на нашихъ подлинныхъ актахъ и лѣтописяхъ, тѣмъ самымъ теряетъ, однако, въ настоящее время, когда они уже обнародованы и всѣмъ доступны, значительную часть своего интереса, между тѣмъ какъ записки Флетчера, при всѣхъ извѣстныхъ намъ матеріалахъ, все еще удерживаютъ для насъ характеръ свѣжести и новости. Вотъ почему мы рѣшились не медлить болѣе изданіемъ въ свѣтъ столь драгоценнаго сочиненія, хотя, за неимѣніемъ подъ руками всѣхъ бывшихъ его изданій, къ сожалѣнію, не можемъ представить объ нихъ подробнаго библиографическаго отчета.

Джилльсъ Флетчеръ (Giles Fletcher), докторъ гражданскаго права, какъ извѣстно изъ записки о его посольствѣ, помѣщенной въ собраніи

путешественниковъ Гаклюйта, а на основаніи статейнаго списка его посольства—«мейстеръ богомольныхъ книгъ» англійской королевы Елисаветы, родился въ Кентѣ и воспитывался въ Эгонѣ и Кембриджѣ, а въ 1588 году былъ отправленъ въ званіи посланника къ царю Феодору Иоанновичу для заключенія дружественнаго союза и возстановленія торговыхъ сношеній съ Россією. Прибывъ въ Москву 25-го ноября (изъ Холмогоръ, куда пріѣхалъ въ началѣ сентября), выѣхалъ онъ отсюда уже 6-го мая слѣдующаго года, но около двухъ мѣсяцевъ прожилъ въ Володѣ, въ ожиданіи царскаго отвѣта на новую грамоту, полученную въ это время отъ Елисаветы, такъ что не ранее 17-го іюля отправленъ былъ приказъ изъ Москвы объ отпускѣ его въ Холмогоры для отъѣзда оттуда въ Лондонъ¹. По возвращеніи своемъ, онъ подалъ англійскому министерству донесеніе о своемъ посольствѣ, находящееся, между прочимъ, въ копіяхъ съ бумагахъ Британскаго музея, сдѣланныхъ для покойнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, а нынѣ хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, и въ то же самое время изготовилъ печатаемыя здѣсь записки о нашемъ отечествѣ. Изъ прочихъ обстоятельствъ его жизни извѣстно, что онъ былъ градскимъ секретаремъ въ Лондонѣ, рекетмейстеромъ королевы и казначеемъ церкви св. Павла, и что онъ умеръ въ 1610 году. Кромѣ упомянутыхъ выше двухъ сочиненій о Россіи, ему принадлежатъ статья: «О препятствіяхъ торговлѣ англичанъ въ Россіи и средствахъ заслужить благоволеніе царя и утратить русскихъ», найденная также въ бумагахъ Британскаго музея и хранящаяся въ копіи въ Румянцевскомъ музеѣ, и слѣдующія три сочиненія: 1) «Christ's victory and triumph in heaven and earth over and after death. (Побѣда и торжество Христа на небесахъ и на землѣ, надъ смертью и по смерти). Cambridge, 1640». Съ біографіей автора. 2) «Israel redux, or the restauration of Israel, exhibited in two short treatises, one by Giles Fletcher, Ll. D., the second by Samuel Lee. (Возвращеніе израильтянъ, два краткія разсужденія, одно Джильса Флетчера, доктора правъ, другое Самуэля Ли). Lond., 1677», въ 12-ю д. 3) «Discourse to prove, that the Tartars are the descendants of the ten tribes, who were led captive by Shalmaneser. (Разсужденіе о томъ, что татары суть потомки десяти колѣвъ, отведенныхъ въ плѣвъ Салманассаромъ)». Перепечатано въ первомъ томѣ записокъ Унстона (Whi-

¹ См. статейный списокъ посольства Флетчера, хранящійся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ числѣ англійскихъ статейныхъ списковъ, подъ № 1.